

знали физику, за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣнилась подобнымъ мракомъ, каковымъ объята широкая напущина отъ Китая, отъ Чингисхана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Поэтому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, ежели черпать оную хотимъ глубже, а не отъ временъ Петра Великаго. Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго. Голикова записки я читалъ о семь царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не рассказы, онъ лучший. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи себѣ въ архивахъ цареградской, польской и шведской. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно. Потому отдаетъ запахомъ гнилымъ хронологія его и родословныя деревья, на коихъ ссенилъ иностранные прививки, по своей теплой вѣрѣ. Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его израженій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, исторія та только пріятна и полезна, которую или философы, или политики писали. Но еще наши науки и нашъ языкъ не достигли до того, то и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ражавчиною. Когда пріѣдешь въ Москву, пришли мнѣ каталогъ продажныхъ французскихъ книгъ. Зрѣніе еще мнѣ служить. Къ очкамъ не могу себя пріучить; равнымъ образомъ и ко вниманію, когда другой читаетъ. Къ послѣднему удобно привыкають имѣющіе хорошую память, а ты вѣдаешь, сколь слаба моя" (стр. 254—256).

О серьезныхъ занятіяхъ исторіею свидѣтельствуютъ и другія замѣчанія Завадовскаго въ письмѣ отъ 21-го января 1801 года. Очевидно, Александръ Романовичъ писалъ ему объ историческихъ трудахъ разныхъ современныхъ писателей, между прочимъ и о Штритерѣ, издавшемъ въ 1771—1779 гг. сочиненіе „*Memoriae populorum*“, въ которомъ заключался сборникъ разныхъ данныхъ изъ византійскихъ писателей о славянахъ и другихъ народахъ. На это отвѣчалъ Завадовскій: „Съ Штритеромъ я былъ въ перепискѣ. Онъ свѣдущъ въ нашей древности, но въ томъ сомнѣваюсь, чтобъ и его сочиненіе просвѣтило оную, наипаче когда опускается въ глубину. Всѣ исторіи равны будутъ одна другой, естли захотимъ набивать нашу память токмо бытіями. Тысяча обстоятельствъ, коимъ внимали современники, теряются въ глазахъ потомства, замѣчающаго токмо великія происшествія, что